

Я решился на освещение данной темы с целью – понять подлинные нравственные основания, которыми руководствуются творческие люди при создании своих произведений. Эта потребность возникла у меня от многолетнего опыта чтения самых разных текстов. Профессор богословия А. И. Осипов в своих лекциях часто указывает на существование законов духовной жизни, которые действуют так же неумолимо, как и законы физической природы. И за их нарушение следует такое же неизбежное наказание. В душе каждого человека они установлены с рождения.

Чем на самом деле ценно то или иное произведение? Главное – нравственная основа, на которой автор создаёт своё представление о мире. От этого зависит, какие «знания» он будет использовать в своём произведении и какие «истины» доказывать, пользуясь всем арсеналом литературного мастерства.

Творение автора не спасёт ни волшебное мастерство слова, ни предельная искренность самовыражения, если оно не попадёт в «такт» нравственному настрою читателя и не вызовет в нём ответный душевный подъём. От настройки «камертона» зависит и наше восприятие мира.

Объединение нации во имя высших духовных целей представителями российского бизнеса чаще всего воспринимается лишь как необходимость делиться или жертвовать частью своей прибыли. Создание общественных организаций, объектов культуры требует больших усилий и больших инвестиций. Усилий государства здесь явно недостаточно. Но наш «рыночник» часто не понимает выгоды от вложений в воспитание нравственного здорового человека. Настоящего успеха здесь обычно приходится ждать годами, а наш «рыночник» по природе своей индивидуалист и хочет жить обеспеченно здесь и сейчас!

Известный русский критик В. В. Кожин писал: *«надо различать реальное содержание эпох и нравственное отношение к ним, этическую оценку их».*

Нравственное содержание эпохи имеет огромное влияние на будущую судьбу любой нации. В. Кожин приводит в своей книге убедительные примеры духовной деградации цивилизации европейского типа: *«Папа Григорий XIII выбил медаль в честь Варфоломеевской ночи, направил поздравление Карлу Пятому и его матери Екатерине Медичи».* Это была «награда» за убийство трёх десятков тысяч граждан по всей Франции.

В это же историческое время митрополит Московский Филипп отказался благословить Иоанна Грозного за казни четырёх тысяч человек.

Почему так по-разному оценивают массовые убийства представители двух церквей – католической и православной?

Русский философ Николай Ульянов приводит в своей книге такое мнение: *«Ибо есть два мира, нигде не пересекающиеся: мир “истины” и мир “символов”, мир личной абсолютности духа и мир стихий природы. В одном достигается “вечная жизнь”, в другом накапливаются “ценности культуры”. В одном осуществляется любовь, в другом – справедливость и разум!»*

2.

Наблюдая за литературным процессом в течение последних двадцати лет, пытливый читатель может убедиться в одной тревожной закономерности: чем больше сфера влияния идеологии всемирного общества потребления, тем меньше говорят об общих правилах нравственности.

За многие годы чтения либеральных толстых журналов я только один раз встречал внятное суждение о том, что нам *«нужны общеобязательные нормы в жизни и в искусстве»*.

На тему «внутреннего духовного состояния человека» в западных странах сегодня наложено табу. Этот негласный запрет практикуется и у нас, в России, в выборе тем для романов и повестей, пьес и сценариев художественных фильмов. Образно говоря, произведение, созданное эгоцентристом, есть обращение одной автономной личности к другой автономной личности на тему каких-то личных переживаний.

Священномученик Илларион (Троицкий) писал, что *«истина оценивается по соображениям нравственности»*. Но он имел в виду истину «свыше сходящую», которая нужна людям; *«без неё они прожить не могут, как бы ни зарывались в суету земную»*.

В статье «Марина Цветаева: этика и категории либеральной культуры» Г. Колбасов и Н. Поздняков сформулировали нравственное правило для литераторов: *«В жизни мало быть поэтом, надо быть, прежде всего, воспитателем самого себя и находить, и создавать для себя и для близких оздоравливающую дух и душу среду обитания»*.

Ах, как хочется, чтобы так и было! Но для оздоровления души и среды обитания надо так проникновенно писать, чтобы читатель по-настоящему увлёкся, усвоил оздоравливающие истины. Но чтобы так писать, надо глубоко верить в своё дело, чувствовать ответственность за него и за людей, души которых он очень хочет оздоровить!

3.

Вспомнился случай, взятый из мемуаров Екатерининских времён. Княгиня Екатерина Дашкова в своих «Записках» рассказывает о посещении гостиницы «Россия» в Данциге. Там часто останавливались все русские, в том числе знатные путешественники. До приезда Дашковой – будущего президента первой Российской академии наук, никто не возмущался содержанием картины в зале для гостей. Там *«висели две картины, изображающие битвы, проигранные русскими войсками; раненые и умирающие русские на коленях просили пощады у победоносных прусаков»*.

Нравственное чувство русской княгини не выдержало оскорбления. Сколько раз прусаки были биты на поле боя – не счесть! И русские как победители пощады просить не научились. Княгиня сама взялась за дело, и за ночь обе картины были «отреставрированы» масляными красками. Молить пощады стали поверженные воины в прусских мундирах!

Настоящему гражданину своей страны надо всегда чувствовать ту грань, за которой начинается попрание самых важных истин, высшей человеческой правды духа, правды сердца! В упомянутой выше злополучной гостинице «Россия» останавливался и князь Алексей Орлов. Но он не почувствовал «вызова» прусаков, их вопиющей демонстрации исторической лжи! Княгиня Дашкова посетовала, что сей государственный деятель не выкупил картины и не сжёг их.

Очевидно, не прозвучал в нём «внутренний голос», поэтому не ощутил он, что прусаки послали знак, символ, на который нельзя было не реагировать! Целью прусаков было нанести ущерб нашему

нравственному чувству, оскорбить его, унижить. Это мог осознать только тот гость из России, у которого есть духовная связь с коллективной душой своего народа, не раз спасавшей нас от губительного раздора и приносившей победы в больших сражениях.

В мирное время у нас возобновлялась обычная «грызня» за власть, сферы влияния. Ещё в 1649 году в России было принято первое Соборное уложение. В работе комиссии принимало участие 550 депутатов от дворянства, государственных учреждений, горожан, государственных крестьян, однодворцев, казачества и духовенства.

Попытки создать новое Уложение не увенчались успехом. Была глубинная причина, как одно из главных препятствий к процветанию нашей державы. *«Новое уложение не было составлено прежде всего из-за различий интересов сословий»* – констатирует Православная энциклопедия.

Чем богаче становились сословия, чем больше был производимый национальный продукт, тем больше было вражды и несправедливости между людьми. Это особенность жизни «на выживание среди суровой природы и враждебного окружения. Мы в России жили всегда как на поле боя. Нас превращала в единый народ только православная вера. Но образованная элита уповала на «Просвещение». Как следует из размышлений всё той же Екатерины Дашковой: *«просвещение ведёт к свободе; свобода же без просвещения породила бы только анархию и беспорядок. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, то они будут достойны свободы, так как они тогда только сумеют воспользоваться ею без ущерба для своих сограждан и не нарушая порядка и отношений, неизбежных при всяком образе правления».*

Опыт последующего столетия показал, что просвещение без таких же усилий по нравственному воспитанию только еще больше повредило нравственный облик людей. Не имея сильного морального стержня, новые поколения использовали полученные знания в основном для личного самоутверждения. Русский человек, отдалившись от своей веры, не осознавал, как силен в нём языческий заряд, как много в нём проявлений языческой наследственности!

Наши «западники» с тех, стародавних, времён так и не поняли, что Просвещение – это только инструмент, которым можно пользоваться как в благородных, так и в корыстных целях.

В жителях стран Западной Европы языческой наследственности было не меньше. Но они прошли католическую и протестантскую «выучку», прежде чем научиться исполнять все утвердившиеся в обществе правила и обычаи.

После такого «обучения» от самой веры в Западной Европе ничего не осталось, зато выработалось почтение к дисциплине! Непонятно, по какой причине наши российские сторонники идей Просвещения этого обстоятельства словно не заметили.

А ведь к православному Ближнему и подход должен быть другой. Не всё из европейских идей Просвещения он может принять в качестве жизненных правил. Непонимание этой истины ярко продемонстрировали авторы книги «Умом Россию понимать». Наше духовное своеобразие они воспринимают как что-то экзотическое.

Наш предприимчивый русский ум развивался под воздействием научно-технического процесса, роста промышленности и торговли.

Но при этом православная душа не получает от этих всемирных процессов никакой подпитки для своего раскрытия в новых реалиях.

Почему русские купцы начала девятнадцатого века были намного интересней тех потомков, которые пришли им на смену? Мудрый историк литературы Святополк-Мирский заметил это по тому признаку, что о купечестве перестал писать пьесы подлинный знаток данного сословия драматург А. Н. Островский. Историк литературы объясняет это тем, что купечество превратилось в безликий средний класс. Его представители перестали интересоваться великого русского драматурга. В купеческой натуре не стало лирического настроения верующих людей, своеобразной русской человечности, благородства! Многие из купцов вышли из семей староверов при поддержке всего братства и коллективного капитала.

Как память о лучших днях нашего предпринимательства по-русски, в Москве до двадцатого века просуществовала церковь, где столичные купцы заключали коммерческие сделки, сопровождая юридическое оформление церковными обрядами. Православный русский предприниматель считал их надёжней печати и гарантий коммерческих банков. Этим он существенно отличался от представителей западноевропейского купечества. Философ Пётр Струве сетовал, что

«...в России была религия и религиозность, но в ежедневную жизнь как дисциплинирующее начало не проникла».

Жаль, что Струве и многим другим нашим учёным не дано было представить себе Россию в исторической перспективе вплоть до наших дней. Иначе бы они поняли, что особенность русского народа состояла в том, что он мог проявлять себя подлинным героем или, во всяком случае, самым дисциплинированным гражданином, самым преданным другом только в тех случаях, когда с ним обращались по-христиански, если цель предлагали Богу угодную и дружили с открытой душой! И власть для него авторитетна только та, которая правит в согласии с его понятиями о справедливости и общей пользе!

Европейцу из благодатных западных стран достаточно одного внешнего порядка и дисциплины, потому что он живёт для себя любимого и протестантство с католичеством придумал сам под себя. Он свой мир обустроил для материальных утех, и там не было места угрызениям совести и покаянию! Там были расценки стоимости индульгенции: сколько монет надо отдать священнику за убийство, сколько за кражу. Заплатил церкви – и получил прощение!

Авторы книги «Умом Россию понимать» так и не смогли опровергнуть стих Фёдора Тютчева о том, что это безнадежное дело: понимать умом то, что в полной мере даётся только верующему человеку. Они или притворялись, что не понимают поэта, или, по наитию, в самом деле смотрели на Древнюю Русь глазами современного туриста из какой-нибудь продвинутой по части «демократии» европейской страны и удивлялись, что в Новгородской республике отсутствовали *«свобода личности, права меньшинств, политическая конкуренция»*. Они критиковали «идеал единодушия», который был в почёте в новгородском обществе. Но ведь это не каприз жителей, а необходимость, обусловленная особыми свойствами их менталитета, их духовной потребностью. В общественной жизни, в быту внутри каждого человека шла борьба с могучим ещё язычеством!

Истина не даётся одному, она соборна, как наша православная церковь. Оттуда, из храмов и маленьких сельских церквей, идёт призыв жить в любви к ближнему своему.

Хочется сказать всем нашим поклонникам Запада: не пытайтесь «примирить» европейский рациональный взгляд на мир с русской духовной стихией. Она возникает на совсем других основаниях.

Сформированная из самых разных проживающих здесь народов, нация с особым менталитетом сможет творить любые чудеса, если вдохновить её большими целями и задачами! Но при одном условии, они должны соответствовать принятой им системой ценностей. Большинство должно их понимать и принимать!

4.

Девяностые годы двадцатого века в России лучше не вспоминать! Постепенно духовный хаос, как мутный раствор, стал медленно оседать на дно. В начале двухтысячных годов можно уже было разглядеть некие контуры общей картины жизни в новых условиях. А она не внушала особого оптимизма. Как констатировал профессор Андрей Фурсов: *«...мы живём в атмосфере самовоспроизводящегося разложения, где поздние советские элементы подрывают и разлагают западные и наоборот»*.

В отличие от комиссаров в 1917 году, выступивших с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», их потомки-космополиты все эти годы фактически самоустранились от важнейшей работы по сплочению нации, оставшейся без общей идеологии, общих нравственных правил!

Первые десятилетия двадцать первого столетия не покидало ощущение, что процветающее рыночное общество у нас уже давно построено и осталось заниматься только собой и своими фантазиями: писать занимательные истории, ставить экспериментальные спектакли, делить премии и гранты. Так уверенно и безмятежно вели себя либералы-«победители»!

О русской нации опять забыли, как и в советское время. Но тогда из-за идеологии интернационализма, а теперь нашлась другая очень «уважительная причина» молчания – многонациональный состав Российской Федерации.

Три десятилетия обслуживающая наше рыночное общество интеллигенция изворачивалась и манипулировала нравственными понятиями с одной целью: всячески оттянуть начало выработки общей

идеологии созидания, которую бы приняло большинство граждан России. На сей решительный шаг не хватало ни смелости, ни элементарной доброжелательности к народу, среди которого жила и живёт эта горделивая и себялюбивая публика.

Везде – в культуре, в искусстве – в сложившейся «рыночной» действительности практиковалось и практикуется до сих пор обращение к человеку *внешнему* – потребителю материальных благ! Поэтому был очень слаб мобилизационный посыл. Он не затрагивает человека *внутреннего*, который всегда имел большое влияние на наши души!

Очевидно, это обстоятельство имел в виду наш замечательный писатель Владимир Крупин, когда писал:

«НЕ УМЕЕМ МЫ, русские, объединяться. И всё-таки русское дело движется туда, куда надо. То есть к Богу. Это Божия милость. И даже лучше не кричать про объединение. Усилия партий, фондов, союзов, ассоциаций только тормозят. На них же начинают надеяться, и собственные усилия ослабляют. Не царское это дело – объединяться вокруг идей».

Но есть еще одна, редко упоминаемая причина наших постоянных неудач в деле объединения. Давно замечено, что русский человек может быть общительным, и человечным, и религиозным, и способным на объединение только когда, мягко говоря, имеет скромный достаток. Но доставшееся ему от предков православие, все обычаи и привычки, с ним связанные, очень быстро «выветриваются» из его сознания с ростом благосостояния. И по мере роста банковского счёта – беднеет душа! И это неизбежно, потому что, Максималистка по натуре, русская душа бросается в омут материального благополучия с той же страстью, с какой прежде пытались объединяться ради достижения благородных духовных целей!

Идёт война самолюбий всех со всеми! Не ограниченных в своих поступках искренним религиозным чувством и страхом Божиим потребителей объединяет только «шведский стол» за завтраком и ужином в местах отдыха!

Правящий класс России сегодня по-прежнему уверен, что сильное государство можно будет создать только с помощью развитой системы законодательства. Но далеко не все общественные отношения регулируются правом. Обычаи и традиции имеют не менее важное значение как регулятор общественной жизни. И создать их можно только с помощью целенаправленного идеологического воздействия. Но статьёй 13 Конституции РФ запрещено иметь государственную идеологию. В итоге мы не имеем никакой.

Достижения научно-технической революции за последние десятилетия сблизили многие сословия: их образ жизни, досуг, потребности и увлечения превратились в общий стандартный набор благ и услуг! Каждый кандидат на звание «успешного» подстраивается под бытующие в потребительской среде взгляды, вкусы и привычки, чтобы выжить, преуспеть! Мои друзья – бывшие филологи, которых я знал как одухотворённых людей, воспитанных на классической русской литературе, устроившись на работу в коммерческие фирмы, на моих глазах удивительным образом преобразались в деловых рациональных менеджеров!

Но теплится у меня в сердце надежда, что должно наступить пресыщение внешней стороной такого бездуховного, где-то даже примитивного бытия. По крайней мере, такое возможно среди наших соотечественников, которые имеют духовные потребности, свойственные русскому менталитету. В нынешних условиях удовлетворить их они не могут!

Похоже, с нашими соотечественниками сегодня происходит то же самое, что в своё время распознал в А. Герцене философ и священник С. Булгаков: *«несоответствие мировоззрения внутренним запросам личности»*.

Часто приходится слышать мнение, что у нас в России было когда-то *русское традиционное общество, в основе которого лежал коллективизм, взаимовыручка и социальная справедливость*.

Это был, скорее, идеал, больше мечта, чем реальность. Всегда носителями всех перечисленных качеств было меньшинство, которое и определяло истинное лицо нации. Истинно верующих православных тоже было мало, но они дисциплинировали (если так можно выразиться) остальных сограждан. Они не давали забыться православным традициям, праздникам и обрядам, доставшимся нам от Древней Руси. В русском обществе такой духовный настрой заставлял жить по-христиански даже самых отчаянных индивидуалистов и язычников по натуре. На благочинных – равнялись!

Но это счастливое состояние единства, или, говоря высоким слогом, соборности, было очень хрупким. Стоило одному или двум сословиям отойти от него, поставить свои интересы превыше всего, как начиналось пренебрежение традициями и моральными правилами.

Вспомним девятнадцатый век. И факт из истории Енисейской губернии. Когда там нашли большие запасы золота, многие купцы бросили традиционные ремёсла, закрыли мастерские и подались в тайгу за быстрым обогащением. В крае стало проблемой купить скобяные изделия, косу или топор.

О «социальной ответственности» за общественное благополучие никто из купцов не думал. Зато самые удачливые из них, золотоискатели, вскоре стали строить большие роскошные дома (прообраз нынешних дворцов в пригородах мегаполисов).

Совсем чужим для России постепенно становилось дворянство. К началу революций 1917 года более 500 тысяч русских помещиков жило за границей, в Западной Европе. В поместьях хозяйничали управляющие, своей корыстью возмущавшие крестьян.

И сегодня у самой активной части населения только одна забота: по уровню доходов соответствовать «стандартам» всемирного общества потребления.

Но пора перестать верить в «сказки» о «европейском пути» развития.

Нам придётся опираться на свой генотип, на свой менталитет.

Вся надежда на новых политиков, писателей, художников, любящих своё отечество как родной дом. Они должны снова вернуть доверие к себе большинства соотечественников. Решающее значение коллективных символов и высоких идеалов для духовного здоровья нации хорошо понимали советские пропагандисты, собирая агитбригады на стройки объектов индустрии. Упор был сделан на романтику созидания, на воспевание красоты общего труда во имя процветания любимой Родины. На строительстве Байкало-Амурской магистрали звенели гитары вокально-инструментальных ансамблей. Палаточный Братск воспели лучшие композиторы и поэты!

Наш соотечественник преодолет самые большие препятствия, если перед ним поставлена благая цель и душа принимает и увлечена ею, а совесть соглашается принять её как благую!